

АРХАНГЕЛЬСКІА

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

30 марта. 1904, № 6. годъ XVII.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ

Слово въ Великій Пятокъ¹⁾.

Братія! Мы воспоминаемъ сегодня единственное, безпримѣрное въ исторіи человѣчества событіе, — испу-
дительную за грѣхи людскіе смерть Богочеловѣка. Кто
можетъ оставаться холоднымъ и равнодушнымъ при
видѣ этого Тѣла, во гробѣ полагаемаго при пѣнии уми-
лительныхъ, душу проникающихъ пѣснопѣній? Наше-ли
сердце не тронется, когда даже вся тварь, „видѣвши
на лобнѣмъ висима, ужасомъ многимъ содрогашеся“,
когда даже „ангельская воинства ужасахуся“ предъ
этимъ неизреченнымъ Божіимъ снисхожденіемъ? — *Людіе
Мои, что сотворишъ вамъ?* — говоритъ этотъ образъ не-
виннаго Страдальца. За что эти мученія, даже до по-
зорной крестной смерти, Неповиннаго, Праведника, тво-
рившаго на землѣ лишь дѣла любви и милосердія? За
что „заушается рукою созданія Создатель“?

Братія! Дабы не умомъ, а болѣе сердцемъ понять
это чудо чудесъ, перенесемся мысленно, душою вѣрую-
щею, туда, на лобное мѣсто, къ этому Голгоѣскому по-
зорищу. Тамъ стоятъ три креста, около нихъ много
воиновъ и толпа народа, въ смятеніи. На крестахъ ви-
сать тѣла казенныхъ преступниковъ. Между ними —

¹⁾ Произнесено въ Архангельскомъ кафедральномъ соборѣ 26
марта 1904 года.

„со незаконными вмѣнися“ и Тѣло Иисуса Христа нашего Господа, о Которомъ даже Пилать засвидѣтельствовалъ, что не обрѣтаетъ въ Немъ никакой вины. Оно—это Тѣло измождено, окровавлено, изранено, обнажено!... Еще-бы! Вѣдь какъ только надъ Нимъ не надругались: въ лицо плевали, зашпали, били по ланитамъ, бичевали, ударяли тростию по головѣ. Но этого мало: Его не оставляютъ въ покоѣ и на крестѣ, но втуть, какъ могутъ, издѣваются,—словно не сердце, а камень въ груди у мучителей. А Онъ? Молится Онъ: *Отче, отпусти имъ, не видятъ бо, что творятъ.* Непрестанно учившій прощать обиды, любить враговъ, благословлять проклинающихъ, молиться за обижающихъ, Онъ этому-же учитъ насъ теперь самымъ дѣломъ, въ минуты тягчайшихъ и несправедливѣйшихъ истязаній. Они Его ненавидятъ, а Онъ ихъ любитъ!...

Но вотъ, среди всеобщихъ издѣвательствъ слышится слово человѣка,—презрѣннѣйшаго по суду людскому, разбойника, который въ самую послѣднюю минуту жизни уразумѣлъ эту любовь Божію, постигъ тайну страданій Христа: *„Помни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ!“* Какимъ, какъ не безразсуднымъ, могъ показаться всемъ этотъ предсмертный вопль всю жизнь грѣшившаго преступника?! Но, братія, Тотъ, Кто пришелъ спасти не праведниковъ, а грѣшниковъ, слышитъ и принимаетъ этотъ вопль души почти уже погибшей. *„Днесъ со Мною будеши въ рай.“* Какая благодать, братія: Господь не лишаетъ надежды спасенія даже находящихся на самой послѣдней степени паденія! Никто не долженъ отчаяваться!

Среди стоящихъ при крестѣ видитъ Распятый нѣсколько преданныхъ Ему душъ, и между ними Матерь Свою и ученика Іоанна. Кто сумѣлъ-бы сказать: что чувствовало теперь материнское сердце? Съ невыразимою скорбью, безсильная для помощи, стоитъ страдалица—Мать при крестѣ Сына свидѣтельницею Его позора и страданій. Видитъ Ее Распятый и—не о Своемъ страданіи говоритъ Онъ Матери, дабы тѣмъ еще болѣе не увеличить скорби Ея. Нѣтъ: со креста слы-

шить Она слово любви, слово заботы о Ней: „*Жено, се сынъ Твой!*“. А ученику Страдалецъ-Учитель говорить: „*се Мати твоя!*“. И съ того часа Марія нашла въ Иоаннѣ сына, Иоаннъ-же, а въ лицѣ его и всякій ученикъ Христовъ, обрѣлъ въ ней истинную, милосерднѣйшую Матерь.

Но исполнилась чаша страданій. „*Отче, возгласилъ Умирающій, въ руки Твои предаю духъ Мой!*“, и сказавъ сіе, испустилъ духъ. Страшныя, дивныя знаменія увидѣлъ тогда міръ: померкло солнце, потряслась земля, камни распались, гробы раскрылись, мертвецы встали! Даже сотникъ римскій, язычникъ, и тѣ, которые съ нимъ стерегли распятыхъ, видя происшедшее, прославили Бога, сказавъ: „*истинно праведникъ этотъ былъ Сынъ Божій!*“ (Мѡ. 27, 54. Лк. 23, 47).

Толпа стала расходиться по домамъ въ недоумѣніи и ужасѣ: *все, — повѣствуетъ евангелистъ, — пришедшии народи на позоръ сей, видяще бывающая, блгоущи перси своя возвращахуся* (Лк. 23, 48). — Но вотъ, подходятъ ко кресту два тайныхъ ученика Іисуса, благообразный Іосифъ съ Никодимомъ, и съ разрѣшенія Пилата снимаютъ со креста Тѣло Іисусово. Съ любовію, съ плачемъ и рыданіями помазуютъ они Пречистое Тѣло благоговѣніями, обвиваютъ въ чистое полотно (плащаницу) и полагаютъ во гробъ.

И се—во гробъ, мертвъ, бездыханенъ; се—въ мертвецѣхъ вмѣняется въ вышнихъ Живый, Владыка жизни и смерти!...

Теперь, братія, благоговѣнно приблизимся мы къ этому страдальческому образу нашего Господа, падемъ предъ Нимъ ницъ и облобызаемъ эти язвы, это Тѣло избитое, израненное, измученное за насъ. Только припадемъ не устами лишь, а сердцемъ, и повѣдаемъ Страдальцу каждый, что у него есть на душѣ, въ глубинѣ совѣсти, дабы получить отъ гроба успокоеніе и облегченіе.

Ты, истинный ученикъ Христовъ, вѣрующій, всемъ сердцемъ любящій, быть можетъ, изнемогаешь иногда предъ неправдою, обидами, оскорбленіями? Возверзи пе-

чаль твою на Господа и укрѣпи здѣсь свой слабѣющій духъ: что страданія твои предъ Его страданіями?! Знай, что скорби и страданія неизбѣжны на землѣ, и тамъ гдѣ ихъ нѣтъ, нѣтъ и истинной правды, правды Божіей.

Тебя, христіанинъ, тѣснить горе, нужда, сиротство Терпи! Есть Богъ на небѣ — нашъ Отецъ, и есть у насъ Матерь — всеблагая и всемогущая заступница. Терпи, ибо, быть можетъ, найдется между людьми Іоаннъ — истинный ученикъ Христовъ, который окружить тебя сыновнею любовію. И навѣрное такъ, ибо развѣ въ этомъ словѣ Умиращаго: „се Мати твоя“ сердцу истиннаго христіанина не слышится обращеніе и къ нему? Развѣ истинный ученикъ Христовъ не помнитъ словъ своего Учителя, что творяй волю Отца Небеснаго братъ Ему, и сестра и матерь (Мѣ. 12, 49—50), и что всѣ больные, голодные, неприютные, даже преступники, въ темницѣ сидящіе, всѣ — Его меньшіе братья? (Мѣ. 25 гл.).

Быть можетъ, тебя угнетаетъ множество накопившейся въ твоей жизни лжи, это безсиліе твое въ борьбѣ съ грѣхомъ и зломъ, эта „пропасть“ между желаніемъ и дѣломъ? Борись, христіанинъ, и не унывай только, не теряй надежды. Взирай на Распятаго, съ любовію принявшаго воздыханіе разбойника, и знай, что своими силами тебѣ не спастись: спасеть тебя милосердіе Божіе!

Но, быть можетъ, ты такъ зачерствѣлъ, охладѣлъ душой, что тебя уже не трогаетъ этотъ видъ Страдальца? Уже жизнію своею, дѣлами-то ты, быть можетъ, чаще стоишь въ рядахъ невѣрующихъ, враговъ, чѣмъ — учениковъ Христовыхъ? О, и тогда съ любовію взирай на тебя со креста Распятый! Вспомни, что первымъ словомъ Его со креста среди страданій была молитва за враговъ! Вспомни еще сотника при крестѣ увѣровавшаго, вспомни великія знаменія, сопровождавшія смерть Богочеловѣка, вспомни все это и не буди не вѣренъ, но вѣренъ!

Свою крестную смертью Богочеловѣкъ „явилъ дѣломъ, что, возлюбивъ Своихъ сущихъ въ мѣръ, до конца возлюбилъ ихъ“ (Ин. 13, 1). Любовь къ людямъ, — вотъ тайна крестныхъ страданій. И всѣ мы можемъ и должны быть увѣрены въ любви къ намъ Распятаго за насъ и Погребеннаго. А потому, дерзнемъ-же, братія, подойти къ святому гробу, дабы облобызать пречистыя язвы Господа. Подойдемъ и, оплакивая свои беззаконія и вины предъ Создателемъ, въ сокрушеніи сердечномъ, подобно разбойнику, воззовемъ каждый изъ глубины души: *помяни и меня, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ!* Аминь.

Священникъ *Г. Дьяконовъ.*

За свѣтлой утреней въ Іерусалимѣ.

«Возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь: се бо придоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада, и съвера, и моря, и востока чада твоя, въ тебѣ благословляющая Христа во вѣки».

Близится полночь — великая полночь.

Мы идемъ по темнымъ іерусалимскимъ улицамъ къ святому Гробу. Впереди идутъ кавасы, освѣщая путь смоляными факелами.

При яркомъ свѣтѣ этихъ факеловъ, дрожащемъ, кровавокрасномъ, вырастаютъ изъ темноты ужасныя, отвратительныя фигуры: нищіе, — сидящіе, лежащіе вдоль стѣнъ домовъ, прокаженные, калѣки, паралитики, слѣпые.

При блескѣ факеловъ они появляются изъ тьмы, словно призраки горя, нищеты, страданія, — протягиваютъ къ намъ руки, стонутъ, шипятъ, плачутъ и вновь исчезаютъ въ темнотѣ. Факелы на минуту освѣщаютъ ихъ страшныя лица, ихъ скорченныя руки, ихъ бѣлые, покрытыя бѣльмами глаза, и мы идемъ этимъ живымъ, этимъ ужаснымъ коридоромъ, осторожно ступая, смот-